

*Справедливость
притчи*

Сергей Бичуцкий

12+

Сергей Марксович Бичуцкий

Справедливость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57458824

SelfPub; 2020

Аннотация

Этот сборник притч-антиутопий посвящается всё тем же проблемам человеческой жизни, которые волнуют каждого из нас. Как правильно понимать смыслы тех понятий, на которых мы строим нашу жизнь и взаимоотношения? Я предлагаю мой взгляд на эти вещи, и надеюсь, что он найдёт понимание у читателя, или хотя бы заставит задуматься над тем, что мы привыкли считать непреложной истиной.

Оформление обложки: фото Daniel Dara, сайт: <https://unsplash.com/t/experimental>

Милый

Наконец-то распогодилось. Почти неделю бушевала метель, хотя календарная весна наступила больше месяца назад. Забыли, наверное, напомнить зиме, что пора на отдых, разгильдяи. А может и не забыли. Может она, по обычаю, своевольничать стала. Ей-то что до этого календаря? Не она придумала, не ей и исполнять. Ещё раз показала, кто в доме хозяин, да и успокоилась, сменив гнев на милость. Ближе к полудню распогодилось. Выглянуло тёплое солнышко, разогнало хмурые тучи, и забарабанила капель. Снег, с утра ослепительно белый и пушистый, стал сереть, рыхлеть, ноздреватиться, оседать, и после полудня заметно убавился в объёме. Запели ручейки, по-пластунски пробираясь под его толщей. Освободились из-под плена, прорывались наружу, сливались в более мощные потоки, жонглировали солнечными лучами, шумно-радостно восклицая: «Жить! Жить! Жить!», и неслись, подпрыгивая и дрожа от нетерпения после вынужденной разлуки навстречу покрытой льдом Онеге: «Домой! К маме!». Ошалевшие от долгожданного тепла голуби купались в первых лужах, не обращая внимания на проходивших рядом людей. Не до них! «Весна наступила, а мы немые! Гур-гур-гур! Непорядок!». Всё вокруг трепетало от радостного возбуждения. Всё, кроме вылезшего из-под деревянного пирса унылого исхудавшего пса. Шерсть местами

свалялась, и болезненно слезились глаза. Он медленно поворачивал голову, принюхиваясь к новым запахам, всем своим видом показывая, что он грустит, и до прихода весны ему нет никакого дела. Ну, а что удивительного? Какие могут быть радости у бездомного пса? Хотя, бездомным назвать его можно было весьма условно, поскольку всю свою жизнь он прожил под этим пирсом, который и стал его домом. И родился тут, под ним. Двух братьев и сестрёнку забрали домой работники судоремонтного завода, а он оказался никому не нужен. Даже мамке, которая, покормив его с месяц, ушла однажды и не вернулась. Тут бы ему и конец, но он не умер от голода и холода, и его не загрызли злые бродячие псы. А всё потому, что на горемыку обратили внимание работницы заводской столовой, пожалели и стали подкармливать, а злые бродячие псы на территории завода не водились. Так он и рос, не зная забот и печали, обретя, как говорится, и кров, и стол, там, где появился на свет.

Постояв какое-то время в раздумье, Пират медленно побрёл в сторону столовой, туда, где ему обычно оставляли большую железную миску с едой. Миска была пуста. Вот уже неделю, как столовую закрыли на ремонт, и его жизнь из сытой и беззаботной превратилась в сплошную голодную муку. За три года, что прожил на территории завода, такого не случилось и он растерялся, не зная, что делать. Первые два дня ещё как-то терпел, а потом обрушилась метель, и всё, на что он решался, так это добежать до миски, обнюхать её и,

не солоно хлебавши, дрожа от холода, вернуться под пирс. И там, конечно, не Африка, но множество тряпья, которое притащила его подруга Найда давало хоть какое-то тепло, а различные поперечные балки, доски и столбы, поддерживающие пирс, да наметённый сугроб, защищали от ветра.

Подруга появилась летом. Забрела в поисках съестного на территорию завода, встретила с Пиратом, наелась до отвала, да и осталась. От добра добра не ищут. А неделю назад появились на свет четыре маленьких щеночка, аккуратно в тот день, когда нагрянула метель. Терпеть голод Найда могла куда лучше Пирата, но молоко кончалось, поэтому третьего дня оставила щенков с папашей, и отправилась на поиски пищи. Поход закончился плачевно. Отойдя с десятков метров от пирса, наступила на какую-то острейшую железяку, сокрытую под снегом, сильно поранила лапу, и вынуждена была вернуться обратно зализывать рану. Так они и просидели голодные до окончания непогоды.

Обследовав свою пустую миску, Пират направился к литейному цеху. Так, без всякой надежды. Потому, что не знал, что делать дальше. Не привык добывать себе пищу. Обойдя всю территорию завода, и, не найдя ничего привлекательного, уныло повернул к логову. Встречные рабочие с удивлением смотрели на исхудавшего, понуро бредущего Пирата, но никому и в голову не приходило, что он просто голоден. Думали, заболел. Иногда гладили, подбадривали словами, но на том дело и кончалось. Ласка, конечно, вещь приятная, но

сахарная косточка, или даже просто косточка, или вообще хоть что-нибудь, куда приятнее. Пёс преданно смотрел в глаза каждому из обративших на него внимания рабочему, но как объяснить им, что ему нужно, не знал. Усиленное махание хвостом не помогало. Так и не дождавшись понимания, пошёл в сторону пирса. Дорога пролегла мимо небольшого продуктового магазинчика для рабочих. Но там искать что-то было бесполезно. Ни разу за три года его там не кормили. Приблизившись к магазину, Пират отпрянул, испугавшись резкого скрипа открывшейся двери. Из дверного проёма показалась рука и выбросила прямо на образовавшуюся прогалину какие-то белые палочки с красными пятнами. Пёс хотел подойти и обследовать то, что было выброшено, но тут же отпрянул, так рука стала появляться опять и опять, и новые палочки последовали за первыми. Наконец, дверь закрылась, и Пират, чую манящий запах, подошёл к палочкам. Он не верил своим глазам. Прямо перед ним по всей прогалине были разбросаны куриные лапки. Разум собаки помутился от запаха, и Пират схватил ближайшую, мгновенно перекусил, проглотил, схватил очередную, так же в мгновение ока расправился с ней, и стал безудержно набивать пасть этими безумно вкусными лапками, глотать, не пережёвывая, давиться, отрывивать, снова и снова возвращаясь к ним. Остановился только тогда, когда устал, когда не было уже сил ни перекусывать, ни глотать. Мало-помалу прояснилось сознание, и он увидел, что остались только две лапки. Постоял ка-

кое-то время, раздумывая, что с ними делать, схватил в пасть и побежал к пирсу. Забравшись в логово, положил лапки перед Найдой, отошёл в сторону, и улёгся. Подруга с удивлением посмотрела на Пирата, съела принесённые лапки, с благодарностью подумала: «Милый! Какой он заботливый!», и принялась вылизывать малышей.

Собрание

Встретились как-то все мечты человечества обсудить настоящие вопросы. Такое великое множество собралось, что не было им ни конца, ни края. И все они были одна краше другой. И каждой дано было право рассказать о себе. И делились они своими ближайшими или будущими планами, наслаждаясь своей собственной красотой и значимостью, а в стороне стояли работа, учёба, и терпение. Они тоже хотели выступить, но им слова не давали. А в это время мимо проходила жизнь. Отчаявшись что-то сказать, и работа, и учёба, и терпение пошли вместе с жизнью, и лишь немногие мечты из этого собрания присоединились к ним.

– Почему остальные не хотят идти с нами? – спросили у жизни те, кто последовал за ней.

– Потому что они пустые! – ответила жизнь.

Крошки

– Федя! – недовольно проворчала Тамара Петровна, обращаясь к супругу. – Ты бы поаккуратней кушал.

– Не понял, – всполошился старик.

– Каждый раз у тебя после еды крошки на полу остаются, –

пояснила супруга.

– Не может быть! – возмущённоотреагировал Фёдор Семёнович, вставая после обеда. Заглянул под стол, убедился в правоте жены, смущённо пожал плечами, и молча вышел. Очень уж его задело это замечание. И совсем не потому, что у неё радикулит. И так понимал, что лишняя трудовая повинность ей попросту тяжело давалась, но беспокоило сейчас не это. Совсем! Об этом, как раз-таки, даже не подумал. «А о чём?» – спросите вы. Ну, как же! Глава семьи, всё-таки! Звание хоть и невеликое, но носил его Фёдор Семёнович с достоинством, и, чего уж тут скрывать, очень им гордился и дорожил. А тут – крошки после еды! Авторитет он и есть авторитет! Пусть крошечный! Пусть и для самого себя! Для самоуважения, так сказать! Без него-то как? Пол века прожили, и никогда от неё такого не слышал. Всегда и во всём детям в пример ставила: «На отца посмотрите!»! Привык, конечно! А тут, на тебе! Крошки! Ровно младенец какой! После стольких лет самоуважения всё насмарку? Ну, уж нет! «Будем бороться!» – решил Фёдор Семёнович. Подленькая мыслишка «А может жена специально их подбрасывает?» не вызвала в нём никакого отклика. Знал, что не может такого быть. Следовательно, выход один – проследить за самим собой, выяснить причину и исправить несурязицу. Чего проще?

Для претворения задуманного решил кушать один, ибо такие наблюдения в присутствии жены считал неприемле-

мыми. Обязательно заметит! Глазастая, не приведи Господи! Ничего от неё не скроется! И, хотя понимал, что после полувека совместной трапезы, раздельное питание обязательно вызовет нездоровую реакцию, ничего другого придумать не смог. А что здесь ещё придумаешь? «Челюсти вставные виноваты? – прискакала первая правдоподобная версия. – Вряд ли. Больше пятнадцати лет ими пользуюсь! Раньше-то ничего не было, никаких тебе крошек! А сейчас откуда?», но, на всякий случай, достал запчасть и внимательно обследовал. Даже лупой для полной уверенности воспользовался. А вдруг дырка какая или трещина, а он и не заметит? Но, нет! Челюсти тут не причём! Хоть и старые, но ещё не один год послужат! Раньше-то всё на совесть делали, не то, что сейчас! «А что тогда?» – задумался старик. Вот это и предстояло выяснить.

И начал Фёдор Семёнович придумывать всякие неотложные дела. Как только подходило время трапезы, так тут же и дело вдруг образовывалось. Выскакивало эдаким нежданчиком. Не было, не было, а тут вдруг «Бац!» и появлялось. Всякий раз вылуплялось невесть откуда. Ясен корень, не великое дельце, потому как на большие-то давно уже сил не доставало, но обязательно неотложное. Предлагал жене не ждать его и кушать одной, и, поскольку Тамара Петровна хорошо знала, что пока не закончит, ждать его бесполезно, садилась за стол сама. Поначалу даже радовалась, что муж находит себе какие-то занятия, а не то в последнее время

совсем что-то стал хандрить и на глазах хиреть, но радовалась недолго. Неотложные дела полились нескончаемым потоком, и не заметить, что появлялись они аккурат перед завтраком, обедом и ужином, было невозможно. Ну, хорошо. Один день, другой – это ещё куда ни шло, но на третий старушка всполошилась. А самое непонятное заключалось в том, что он куда больше обычного проводил времени в кухне. Что там, куда его полвека загнать нельзя было, стало вдруг таким интересным? Встревожиться встревожилась, но спрашивать напрямую не стала. Захотел бы, сам сказал. А так... Всё одно не ответит. Юлить начнёт, выдумывать чего-то. Некрасиво! На старости лет! Нет! Решила выяснить причину сама, тем более труда это не составляло никакого. В прихожей у стены находилось трюмо с большим зеркалом, и с определённого места, именно с того, где находилось кресло Тамары Петровны, в котором она по обычаю дремала после принятия пищи, вся кухня была, как на ладони. Она попросту схитрила. Помыв после обеда посуду, села в кресло и закрыла глаза, сделав вид, что задремала. Услышав шаги мужа, приоткрыла веки и стала наблюдать за происходящим. Ничего необычного не заметила. Всё, как всегда. Фёдор Семёнович достал ложку, тарелку, половник, отрезал кусок хлеба, налил борща, помолился перед трапезой и сел за стол. Всё вроде бы, как обычно, только как-то уж через чур медленно. Торжественно, что ли. Сел за стол и начал кушать. «Вот дурында! Чего себе напридумывала?» – успокоилась Тама-

ра Петровна, и прикрыв глаза тут же погрузилась в полудрёму. Разбудили её какие-то странные звуки. Какое-то шарканье. Будто кто-то размеренно тёр наждачкой по полу. Открыла глаза и увидела странную картину. Муж, сидя на самом краю стула, двигал правой ногой по полу от себя. Как будто отодвигал что-то. А когда возвращал ногу, то приподнимал. Вот и получалось «шарк-шарк». Тамару Петровну осенило – крошки отгребает. Будто не он сорит. Поняла, что хотел он таким по-детски неуклюжим образом отвести от себя все подозрения. Она прекрасно знала, что раньше муж при любых обстоятельствах обязательно пришёл бы на помощь, либо устранил собственный промах без напоминаний. А сейчас... Не было у него ни сил, ни здоровья. Только голову вниз опустит, тут же и начинает его болтать из стороны в сторону. Потому и не мог убирать за собой. Поняла, устыдилась, закрыла глаза и сделала вид, что всё также дремлет. Вскоре шарканье прекратилось. Подождала какое-то время, всё также делая вид, что дремлет, пока снова не услышала шарканье, а затем надрывное кряхтенье и стоны. Испуганно открыла глаза и увидела поразительную картину: Фёдор Семёнович грудью упёрся в край стола и, схватившись за ножки, пытался выбраться оттуда, бестолково елозя ногами, но сил не хватало, и он сползал по стулу всё ниже и ниже. Тамара Петровна вскочила, забыв о радикулите и поспешила на помощь. Подбежав, обхватила сзади супруга, вытащила из-под стола, и усадила на стул. Откуда только силы взялись?

Усадила, и стала гладить по голове, успокаивая его. Гладила и плакала. И он плакал. Он – от бессилия, а она – от жалости. И не в том дело, что жизнь прошла и кончились силы. Любовь-то осталась. От того и слёзы.

Глас вопиющего в пустыне

– Сколько у нас осталось боеприпасов, Стив? – спросил командир танка.

– Три фугасных, сэр, – ответил заряжающий, вытирая со лба липкий пот.

– Плохо, – вздохнул командир. – Следующая атака может стать для нас последней.

– Есть кое-что похуже, сэр, – вступил в разговор механик-водитель Джон.

– Не пугай меня, Джон! Что может быть хуже отсутствия боеприпасов? – насторожился командир.

– Отсутствие горючего, сэр, – угрюмо ответил Джон. – Левый бак пробит, а в правом осталось не более четверти.

– Что это значит?

– Это значит, что, даже если никто нас атаковать не будет вообще, до базы мы всё равно не доберёмся, а это уж, как пить дать, неизбежная смерть, – выдохнул Джон, и тут же добавил, – или плен.

– Только не это! – вмешался в разговор Стив.

– Почему? – не понял командир. – Мы сделали, что смогли, Стив, и, можем сдаться в плен, если нашим жизням будет угрожать реальная опасность. Так гласит устав, и ты это

знаешь не хуже меня!

– Мне абсолютно наплевать на устав и на то, как на это посмотрит наше командование, сэр, но меня сводит с ума одна лишь мысль о том, что в плену придётся отказаться от американо и кленового сиропа. По мне, так лучше смерть, чем такая пытка!

– Ты знал, на что шёл, Стив! – упрекнул командир.

– Я никого не виню кроме себя, сэр! Сам виноват! Сейчас понимаю, что лучше было бы выбрать какую-нибудь заварушку в Европе или даже в Латинской Америке. Уж там-то с американо проблем нет!

Признание Стива вызвало безудержный приступ хохота у Джона. Командир и Стив с удивлением уставились на товарища.

– Что тебя так развеселило, Джо? – угрожающе спросил Стив.

– Твоя наивность, братишка! – отсмеявшись, ответил водитель. – Думаешь без кленового сиропа ты будешь не по вкусу червям, которые будут тобой лакомиться не сегодня-завтра? С таким настроением тебе лучше было бы сидеть дома у телевизора с попкорном и любимым сиропом, и наслаждался жизнью. Чего тебя принесло сюда?

– То же, что и тебя, Джо – отсутствие этого самого дома, да неоплаченные кредиты, – угрюмо ответил заряжающий.

Слова Стива мгновенно отрезвили товарища. Непогасшая до конца улыбка застыла гримасой боли, и Джон смачно вы-

ругался.

– Хватит ссориться! Все мы здесь по одной причине, – примирительно сказал командир. – Лучше давайте решать, как будем выбираться отсюда.

– Сколько нам придётся идти до базы, Джон? – после непродолжительного молчания спросил командир.

– Больше семидесяти километров, сэр, – ответил водитель. – Значит где-то около двух суток.

– Если не будет урагана, – добавил Джон.

– Ну, да, – подтвердил командир. – Сейчас посмотрим прогноз погоды, и, если нам повезёт, немедленно отправимся на базу.

Водитель включил поиск погоды и на экране дисплея высветилась какая-то абракадабра. Прогноз менялся через каждые несколько секунд.

– Что за чёрт? – удивился водитель. – Чем они там занимаются в этом гидромете? Неужели нельзя нормально наладить связь?

– Связь здесь не причём! – задумчиво сказал командир.

– А кто причём? – вопросительно посмотрел на командира Джон.

– Погода, – ответил командир. – Вчера не спалось и, пока вы отдыхали, я случайно посмотрел передачу об изменении климата. Если ещё месяц назад ураганы возникали примерно раз в неделю, то сейчас уже никто не может определённо сказать, когда его ждать. Никто! Но и это не всё! Сила их

постоянно увеличивается, и сегодня ночью над всей водной поверхностью Земли бушевал такой тайфун, что погибли не менее трети кораблей, находящихся во всех морях и океанах. Вы понимаете? Не где-нибудь там, допустим, в Тихом или Атлантическом, а везде.

– Господи, спаси и сохрани, – испуганно перекрестился Стив, хотя в Бога никогда не верил. – Куда смотрит мировое правительство? Давно надо разогнать к чёртовой матери этот гидромет. На планете такой бедлам творится, а они палец о палец ударить не хотят! Бездельники!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.